

ТРИ ЧЕЛОВЕКА И ОДИН ГЕРОЙ

Разговор начался сразу. Без предисловий, неожиданно легко. Мне кажется, что в обществе писателя Бориса Львовича Васильева вообще невозможно чувствовать скованность и неловкость. Он располагает к себе тотчас. И появляется ощущение, что этот человек знаком тебе очень давно. Может быть, с того дня, когда ты впервые открыл его книгу.

— Борис Львович, во всех трех ваших повестях — «Иванов катер», «А зори здесь тихие...» и «Самый последний день» действует словно бы один и тот же человек...

— По правде говоря, не задумывался над этим. Очевидно, так оно и есть. Я думаю, что этот персонаж в трех лицах — старшина Васков, герой повести «А зори здесь тихие...». С ним я просто не могу расстаться, и не потому, что он какой-то «роковой» для меня или мне встречалось много похожих людей. Этот характер — совокупность человеческих, социальных черт, которые я хотел бы — как это сказать? — ухватить.

Исчерпать эти черты в одном произведении невозможно. Да, конечно, Васков, Бурлаков и Ковалев имеют много общего. Они застенчивы и скромны — а это меня очень подкупает в людях. Их объединяет обостренное восприятие окружающего, почти детское восприятие, если так можно выразиться. Они люди труда, работа для них — жизнь. И быть вне ее они не могут.

Я не склонен воспевать неких сверхчеловеков. Вообще русской литературе, как я думаю, чужд культ супермена, который не сомневается, а знает все наперед. Меня привлекают люди, не считающие себя героями, хотя и являющиеся таковыми.

— Где вы встречаете их и как они приходят в ваши произведения?

— Никогда не получалось так, чтобы готовая жизненная ситуация вошла в повесть. В книгу переносятся не сами события, а впечатления, ощущения от пережитого.

В начале войны я попал на фронт. Первыми убитыми, которых я увидел в своей жизни, были две девушки. Они наравались на немецкий десант... Потом было много погибших, но этих двух как символ антигуманной сути войны я запомнил навсегда. Понятия девушка и война для меня вообще несовместимы. Наверное, это стало эмоциональным эпиграфом в работе над «Зорями».

С характерами человеческими получается в общем то же. С реальным Васковым я не встречался. Но на хороших, подобных ему людей мне везло.

В 30-е годы я жил в Смоленске. Город был тогда маленький. Кажется, все жители его знали друг друга в лицо. Недалеко от нашего дома была пожарная каланча. Там работал дядя Гриша. Хмурый такой, неразговорчивый. Но со всего города бегали к нему дети. Он всегда что-то мастерил, строил, пилил. Чинил нам игрушки, мирил нас.

А умер он неожиданно. Простудился, спасая тонувших мальчишек, и умер... Моя привязанность, любовь к дяде Грише была перенесена в какой-то мере и на Васкова.

Помню учительницу истории. Она оживила для нас минувшее, вынула его из сухих параграфов учебника. Учительница лазила с нами по крепости, показывала: там стоял Раевский, здесь проехал Наполеон.

И еще. В 42-м меня, молодого солдата, замерзающего в лесу, спас ротный старшина. Несколько километров тащил на себе. А потом еще отдал свою пайку хлеба. Имени его я так и не знаю. Но им мог быть и Васков. Эти двое знали, что за их спинами селась вся Россия.

Позже все эти люди (а вместе с ними и многие другие, конечно) сплелись для меня в том удивительном характере, о котором я писал.

А теперь я часто езжу в поселок лесосплавщиков с ласковым именем Дорогиня. Интересные там живут люди. Мы просиживаем часами у костра. Держатся они с достоинством, не пытаются казаться лучше или хуже, умнее или глупее, чем есть на самом деле.

Отправляюсь в эти путешествия обычно в отпуск. Творческих командировок не люблю, даже боюсь. Есть в этом какая-то суетливость и неправда. Помню, работал я на заводе в Горьком и приезжал к нам писатель. Мы готовились к встрече, а получилось все очень поверхностно. Показали ему завод в темпе экскурсии и поговорили как с деятелем литературы. Писатель должен ездить не как писатель. Не на экскурсию, а на работу.

— Борис Львович, повести ваши заканчиваются трагично. Гибнет млад-

ший лейтенант Ковалев в «Самом последнем дне», убивают девушек-бойцов в «Зорях». Но у меня, например, не было чувства безысходности, мрака...

— Я, видите ли, все-таки оптимист (во всяком случае я так про себя думаю). Показ трагедии ради трагедии, бессмысленных жертв, на мой взгляд, не есть задача искусства.

Смерть героя объяснима лишь, когда она свершается во имя большой цели. Лишь тогда у читателя, равно как и у писателя, возникает ощущение победы.

Во имя будущего гибнут девушки в «Зорях». Во спасение девчонки заблудшей, а затем все понявшей и сделавшей первый шаг в новую жизнь, погиб Ковалев...

Михаил Ульянов собирается экранизировать «Самый последний день». Он будет режиссером и исполнителем главной роли. И в сценарии мы с ним старались свести до минимума всю остроту сюжета, все интриги. Только человек, только его характер... И цель, стоящая перед человеком.

— Эта повесть будет третьей, которая обретет кинематографическую жизнь. Не боятся ли вы встретить ваших героев на экране и не узнать их?

— Пожалуй, нет. В фильме они перестают быть моими. Здесь уже творят и властвуют режиссер и актер. И, как правило, киноперсонажи не вызывают у меня внутреннего протеста, наоборот, убеждают. Даже в тех случаях, когда актер, как мне казалось вначале, абсолютно не соответствовал облику героя книги. В этом я убедился еще раз, просмотрев отснятый киноматериал «Зорь» режиссера Станислава Ростоцкого, который заканчивает сейчас эту картину.

— Почему ваши повести так кинематографичны?

— Может быть, дело в том, что я начинал как драматург. Еще будучи в армии (по образованию я военный инженер), написал пьесу «Офицер». Тогда мне казалось, что это самое простое дело. Теперь я не взялся бы за пьесу с такой легкостью. Так вот, послал я ее в Театр Советской Армии. К удивлению моему, приняли. Затем было еще несколько сценариев.

Профессиональному драматургическому мастерству я учился у Н. Ф. Погодина. И только потом стал писать прозу. Мне кажется, что здесь можно высказать нечто большее. И в отличие от кино и театра между автором и читателем никто не стоит. Здесь мы наедине.

— Борис Львович, если бы вы не стали писателем...

— ...Стал бы актером. Война помешала. Впрочем, я стал бы, наверное, плохим актером. Знаю это теперь точно — я ведь попробовал однажды сняться. Увидел свое лицо на экране и немедленно упрямился режиссера вырезать это безобразие.

Однако в кино я сыграл один раз. В небольшом эпизоде из фильма «На пути в Берлин». Из-за нелетной погоды не прибыл один из исполнителей. Режиссер нервничал — пропал съемочный день. Тут все и состоялось. Меня загримировали и привели на площадку. Странно, что эпизод этот остался в картине.

— Что вы сейчас пишете?

— Повесть о юноше, почти мальчике. Началась война, и он попал в офицерское училище. Потом его посылают не на фронт, а в тыл готовить маршевые роты. Туда же приезжают солдаты, уже прошедшие сквозь огонь. И он, мальчик, не нюхавший пороха, никак не может найти верный тон с ними, срывается, мучается от этого. Подает бесконечные рапорты с просьбой послать его на фронт. И наконец вместе со своей маршевой ротой направляется на передовую.

В первом же переходе рота наткнулась на фашистские танки. Она задерживает врага на два часа, но люди погибают. Все. Как видите, сюжет простой. Все должно строиться на столкновении человеческих характеров, их разности и единстве в самом главном.

— У вас никогда не было желания написать детскую книгу?

— Было. Правда, при одной только мысли об этом я почему-то становлюсь дидактичным и наставительным. А хорошо было бы написать что-нибудь, отдаленно похожее на «Айвенго». Ну, например, про Владимира Мономаха... Есть одна чудесная история. Вообще исторические сюжеты — это клад.

— Борис Львович, как вы думаете, обогатит ли вас этот клад?

— Может быть, когда-нибудь...

Записала
Н. БАТАЕН.